

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ПОВИННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КРУПНОМ ПРОМЫСЛОВОМ ВЛАДЕНИИ XVII В. (НА ПРИМЕРЕ НАДЕИНСКОГО УСОЛЬЯ)

В статье рассмотрены особенности организации производства в крупном промысловом владении Среднего Поволжья. Изучены повинностные практики зависимого населения в промысловых и аграрных отраслях хозяйства.

Ключевые слова: Надеинское Усолье, соляной и рыболовный промыслы, сельскохозяйственное производство, зависимое население, организация труда, повинностные практики.

В течение всего XVII в. акватория Волги и прилегающие к ней лесостепные районы от устья Камы и до широты Саратова являлись зоной интенсивного хозяйственного освоения привилегированным купечеством и крупными церковными корпорациями. Графическое изображение владений центральных монастырей к началу XVIII в. показывает, что едва ли не все удобные и перспективные с точки зрения развития промыслового и земледельческого хозяйства земли от Симбирска до Саратова и основная часть волжских вод оказались в их распоряжении. Если на первых порах это были, как правило, «рыбные ловли», то в последние десятилетия XVII в., по образному выражению В.Н. Нечаева, изучавшего средневожские владения московского Новодевичьего монастыря, «воды стали землями»². В эти годы по берегам Волги сложились очень крупные, как по площади, так и по населению владения церкви. По приблизительным подсчетам в монастырских вотчинах насчитывалось к началу XVIII в. более 2000 дворов. Из них во владениях Новодевичьего монастыря было расселено от 500 до 800 дв., костромского Богоявленского – около 200 (не менее 20 % от всей численности зависимого населения, принадлежащего каждой из этих обителей); Савво-Сторожевского³ и московского Вознесенского – примерно по 300 (не менее 15 %). Эти факты свидетельствуют о

---

¹ Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, Самарский государственный университет, dubmane@mail.ru, Россия, г. Самара.

² Архив Музея Новодевичьего монастыря. Д. 145, 146.

³ В настоящее время эту обитель чаще называют Саввино-Сторожевский монастырь.

наличии ясно выраженной тенденции переноса хозяйственной активности ряда крупных корпораций на Юго-Восток Европейской России, где в пограничных уездах процент принадлежащего церкви населения был выше, чем в целом по стране. По данным I ревизии, жители бывших и оставшихся за церковью владений, составляли не менее 18–20 % всего населения новых уездов (Симбирского и Самарского) [8, с. 26, 29]. Несомненно, что на рубеже XVII–XVIII вв., после которого колонизационная и экономическая активность церковных корпораций резко снизилась, этот процент был еще выше и значительно превосходил средний показатель по стране.

К сожалению, состояние источников не позволяет проследить особенности формирования населения, организации производства и владельческие повинности в большинстве таких владений. Едва ли не единственным исключением в этом отношении является так называемое Надеинское Усолъе на Самарской Луке. На всем протяжении его истории со времени возникновения в начале 1630-х гг. и до перехода к А.Д. Меншикову в первом десятилетии XVIII в. основой хозяйственного развития являлись солеварение, промысловое рыболовство и сельское хозяйство.

Эволюцию Надеинского Усолъя при гостях Надее и его сыне Семене Светешниковых рассмотрел С.В. Бахрушин [1, с. 224–255], а после перехода к Савво-Сторожевскому монастырю – Э.Л. Дубман и, отчасти, Е.И. Дементьев [8; 5]. Надея (Епифаний) Андреевич Светешников в 1631/32 г. приобрел в оброчное пользование территорию площадью около 1500 кв. км на западе Самарской Луки, после того как снизил свою предпринимательскую активность в Астраханском Поволжье. Откупные платежи, которые он платил за новое оброчное владение, составляли менее 30 руб. и были несравнимы со стоимостью аренды больших учугов в дельте Волги. Сами Светешниковы в 1651/52 г. сдавали самарский промысел на оброк К. Климшину уже за 496,5 руб. Позднее, в конце 1650-х гг. созданный Надеей промысловый комплекс на Самарской Луке оценили в 6500 руб.⁴ Основным источником для его изучения при Светешниковых является описание 1646 г., когда владение на короткое время забрали в казну. Изучавший Надеинское Усолъе С.В. Бахрушин, считает, что в организации промысла проявлялись черты перехода от феодальной системы эксплуатации «к более сложным формам производства» [1, с. 237]. Вряд ли можно согласиться с подобной, в определенной степени, «формационной» оценкой.

Производственным ядром Надеинского Усолъя, возникшего далеко за границами ареала оседлого расселения на юго-востоке европей-

---

⁴ Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археогрaфической комиссией (далее ДАИ). Т. 6. СПб., 1857. № 87. С. 303.

ской России⁵, был сравнительно небольшой солеваренный промысел, где одновременно действовало не более 6 варниц. В среднем на каждой производилось 5–6 тыс. пудов соли в год [8, с. 54], а в совокупности они давали 30–35 тыс. пудов [8, с. 54]. Значительно меньшее развитие при Светешниковых получили земледельческое производство и промысловое рыболовство.

К 1646 г. в Усолье сложилась компактная группа населения, численностью в 108 взрослых мужчин (без духовенства и приказчиков 88 дворовладельцев), выходцев из более чем 30 уездов европейской России. Среди них «пищальников» насчитывалось 33, крестьян – 28, бобылей – 30, вольнонаемных – 17. Большинство поселенцев получили льготы от гостя, ссуду на обзаведение, зерно, в ряде случаев – лошадь или корову. Рабочая сила соляного промысла состояла, прежде всего, из вольнонаемных 13 человек, не имевших своих дворов, получавших плату за труд и кормившихся из запасов гостя. Среди них указан 1 трубный мастер, 4 «повара» и цренных мастера (варили соль и чинили црены), 4 сливальщика, 4 «перетруха», готовивших дрова для варниц. Кроме них в производстве соли за «бобыльский оброк на него, Надею, делают изделия» 30 беспашенных бобылей [1, с. 236]. Но и их не хватало для стабильной деятельности промысла и приказчики сверх «бобыльского оброка» набирали дополнительно для отдельных работ местных жителей по найму.

Продовольствием промысел обеспечивали крестьяне (28 дворов). Получив при поселении ссуду и земельные наделы, они пахали на хозяина 30 четвертей земли (2). Судя по описанию 1646 г., размеры тягла составляли от 1/8 выги при одном работнике в крестьянском дворе до 1/4 – при двух. На промысле хранились запасы хлеба, но был ли он с собственной запашки или привозной, неизвестно.

Можно согласиться с мнением Бахрушина, что первые хозяева соляного промысла органично сочетали труд зависимых и вольнонаемных людей, причем наблюдалась тенденция к увеличению доли труда зависимого населения, часть которого получала за свой труд денежную оплату [1, с. 236–237]. Вольнонаемные имели более высокую квалификацию. В целом же на промысле наблюдался рост доли труда зависимых людей.

В 1660 г. Надеинское Усолье перешло в оброчное пользование звенигородскому Савво-Сторожевскому монастырю. Еще раньше, в 1653/54 г. обитель получила на оброк крупное владение по Каме и Белой⁶,

---

⁵ Во второй четверти XVII в. ареал массового оседлого населения по правобережью Волги практически ограничивался системой оборонительных сооружений по линии Тетюши – Алатырь.

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Собрание М.П. Погодина. 1910. Л. 89–90.

где так и не смогла создать эффективный соляной и рыбный промыслы [7, с. 72–78]. После завершения Разинщины именно Надеинское Усолье, обретшее в 1673 г. статус вотчины, стало основным промыслово-предпринимательским центром среди многочисленных владений монастыря. Его экономический подъем продолжался до конца 1680-х гг. От этого времени сохранился комплекс переписных, писцовых, дозорных, прихода-расходных книг, разнообразного актового материала, как самого промыслового владения, так и метрополии⁷, что позволяет выяснить ряд особенностей развития вотчинного хозяйства, трудовой деятельности жителей и владельческих повинностей.

По данным писцовой книги 1686/87 г. в вотчине насчитывалось 283 двора (без дворов духовенства) с 955 душами м.п. По сравнению со временем Светешниковых, население выросло едва ли не в 3 раза. Исчезла группа пищальников, появилось значительное количество «чувашских поселенцев». Основную часть жителей составляли бобыли и работные люди⁸, которых власти смогли освободить от государственных налогов и повинностей⁹. Приобретение Надеинским Усольем статуса вотчины, приписка волжских рыбных «ловель» протяженностью в 75 верст, пожалование рядом привилегий вполне объяснимы. Звенигородский монастырь фактически являлся летней резиденцией семьи Алексея Михайловича, входил в его «царское хозяйство» [10, с. 30–33, 37; 6, с. 64–69].

Ни для монастырских властей, ни для самих жителей Надеинского Усолья длительное время различие между отдельными группами населения не имели особого значения. В источниках постоянно происходила терминологическая путаница — крестьян называли бобылями, работных людей крестьянами и т.д.

Как известно, многие исследователи отмечают факты умышленного искажения данных о населенности двора и количестве дворов в переписных и писцовых книгах второй половины XVII в. [4, с. 60–61; 2, с. 47]. Эти неточности были вызваны переходом к подворной системе обложения. Подобное явление проявилось и при описании монастырских вотчин Южного Средневожья. Сравнение текстов трех описаний населения Надеинского Усолья, проведенных в течение менее 10 лет — переписи Г. Супонева 1678/79 г., дозора Л. Вельяминова 1682/83 г. и писцового описания Я. Левашова 1686/87 г. — показывает, насколько тот или иной документ зависел от личности человека, составлявшего текст, от его взаимоотношений с местной администрацией.

---

⁷ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 281, 1199; 125 и др.; ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина. 1910.

⁸ РГАДА. Ф. 281. Д. 11562.

⁹ РГАДА. Ф. 281. Д. 11540. Л. 1; Д. 11548. Л. 1; Д. 11562. Л. 36–38; Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66. Л. 64–66, 72; Ф. 125. Оп. 1. Д. 53. 1686 г. Л. 1.

В первую очередь, эти факторы оказывали влияние на подсчет количества дворов, на причисление жителей вотчины к той или иной категории населения.

Сверка данных дозорной и писцовой книг по каждому жителю двора позволила выявить высокий процент совпадений, что дает основание считать число людей (а не дворов) наиболее приемлемой дефиницией, отражающей действительный состав населения. Близость же результатов переписной и писцовой книг по количеству дворов и по категориям податного и неподатного населения можно объяснить только недобросовестностью Я. Левашова. Факт подкупа писца подтверждается записями о расходах монастырских властей и жителей вотчины в приходо-расходных книгах Надеинского Усолья¹⁰.

Проведенная нами поименная сверка всех жителей Надеинского Усолья свидетельствует, что ни для самой администрации, ни для большинства населения принадлежность к той или иной категории не имела особого значения. Необходимым условием такой легкости перехода из одной группы в другую, нечеткости терминологии являлось, по всей видимости, сходство экономического и социального положения, отношения к повинностям и процессу производства большинства жителей вотчины. Только в последней четверти XVII в. в Надеинском Усолье сложились две стабильные группы населения – чуваши и русские крестьяне, занимавшиеся преимущественно сельским хозяйством и несшие государственные повинности. Они практически не принимали участия в промысловых работах. Коренное изменение взглядов монастырской администрации на крестьян произошло в 1670-х гг., когда встал вопрос о раскладке по жителям владения государственного тягла. По аналогии с промыслами других монастырей эти повинности должны были нести в вотчине только 17 крестьянских и 30 чувашских дворов. Если в 60-х – начале 70-х гг. население целых селений легко причислялось к крестьянам, то после составления переписной книги 1678 г. власти вотчины делали все возможное для сохранения данного количества крестьянских и чувашских дворов. Крестьяне выделялись среди остального русского населения и по таким признакам, как населенность двора, его стабильность. Владельческие повинности крестьян осуществлялись в основном в виде барщины. Земли, принадлежавшие им, назывались барщинными тяглыми, но размеров тягла по дворам не указано. Чуваши платили оброк. О них писали: «... чуваши и мордва ... крестьянские доходы в монастырь платят и изделие делают с усольскими крестьянами»¹¹.

---

¹⁰ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 83–84, 92, 100.

¹¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11541. Л. 4. Несмотря на упоминание о мордве мордовского населения в Надеинском Усолье практически не было.

Большинство населения Надеинского Усолья принадлежало к двум категориям — бобылей и работных людей. Если термин «бобыли» встречается во всех документах, то понятие «работные люди» впервые появилось только в переписной книге 1678 г. Зачастую эти две группы объединялись, принимались одна за другую. Например, в сказках Генерального двора 1700 г. говорилось «...всяких работников как работают по найму бобылями 235 дворов»¹². Бобыли являлись более устойчивой, стабильной категорией населения, чем работные люди. Но и семьи работных людей следует в основном отнести к постоянному населению. Видимо, одним из источников формирования этой группы были бывшие вольнонаемные работники, постепенно оседавшие рядом с промыслом, заводившие свое хозяйство, двор. В конце 1670-х — 1690-е гг. произошли существенные изменения в положении этих категорий населения. Если ранее единственным источником их существования была работа на промыслах, в документах о них писалось — «беспашенные», «кормятся работой у варниц»¹³, то позднее, в большинстве своем, работные люди и бобыли начали заниматься земледелием, нести барщинные повинности. Изменилось содержание их труда в промысловом хозяйстве, где все явственней выступает принудительный характер, крепостнические черты. Вряд ли бобылей Усолья можно рассматривать как беднейшую (по сравнению с крестьянством) часть населения, не имевшую возможности в полном объеме нести тягло. Это была обычная специфическая категория жителей, широко распространенная в промысловых центрах, торгово-промышленных сельских поселениях страны. По ряду признаков бобыли, как и работные люди, сближались с крестьянами.

Категория мастеровых впервые была отмечена в 1686/87 г. В дорзорной книге и в актовых источниках члены этой группы указывались как бобыли и работные люди. Они имели самую высокую населенность двора, являлись наиболее квалифицированными работниками, не занимались сельским хозяйством, соответственно, не несли барщинных и оброчных повинностей. Часть из них была переведена из монастыря. Несомненно, что мастеровые относились к зависимому населению, но только к наиболее привилегированной его части.

Монастырские слуги, служки, конюхи и т.д. не являлись постоянным населением Усолья. Несмотря на особенности формирования отдельных групп жителей, на различия в их положении, отношении к промысловым и сельскохозяйственным работам, повинностям и т.д., в вотчине в последней четверти XVII в. происходила консолидация населения на основе роста феодальной зависимости, нарастания крепостнических тенденций. Это отражало общий процесс увеличения эксплуатации во владениях Савво-Сторожевского монастыря.

---

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1310. Стб. 18641. Л. 9.

¹³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11548. Л. 1.

После завершения Разинщины монастырские власти приступили к перестройке аграрно-производственного комплекса вотчины, начали вкладывать в него значительные средства, присылать деятельных промышленников (например, соборного старца Леонтия Моренцова — 1674—1684 гг.)¹⁴. В Усолье, как и прежде, работали 6 варниц, сохранился прежний профессиональный состав рабочих, занятых в самом процессе солеварения. Но резко выросла доля оплачиваемого труда зависимого населения, которое с 80—90 гг. XVII в. стало основной рабочей силой. Такая система встречалась и на других промыслах страны [12, с. 214, 313] и может быть определена как «принудительный оплачиваемый труд зависимого населения». Вывариваемая соль использовалась в быстро развивающемся рыболовецком промысловом комплексе, продавалась, как на месте изготовления, так и в других районах европейской России, вывозилась в метрополию¹⁵. В целом рассматриваемый соляной промысел следует отнести к типу крупной кооперации со значительной степенью разделения труда, высокой товарностью и отдельными элементами мануфактурного производства. В среднем один вложенный в него рубль давал более 2,1 руб. прибыли¹⁶.

В весьма крупное предприятие превратился рыболовецкий промысел, (рыночная цена улова в начале XVIII в. достигала 3 тыс. руб.). В середине 1680-х гг. на Волге вели промысел 3 ватаги (каждая со своим двором) — Жигулевская, Переволоцкая и Лопатинская, а к началу XVIII в. к ним прибавился рыбный стан Васильчиковской ватаги¹⁷. В ватажском промысле преобладало использование труда подрядных ловцов. Эта форма организации труда была практически единственной. Как организовывали их труд, насколько самостоятельными они были в своей промысловой деятельности, неизвестно. По рассматриваемому промыслу рядных записей, в которых оговаривались условия найма, нами не выявлено. В основном в рыболовстве была занята малоквалифицированная рабочая сила. Только на рыбных дворах можно было наблюдать определенное разделение труда и наличие квалифицированных специалистов в отдельных операциях.

Значительная, если не большая, часть рабочих людей промысла (ватажских, подрядных и др.) состояла из жителей вотчины. По отношению к ним, как и в случае с производством соли, можно говорить о «принудительном оплачиваемом труде зависимого населения». Но и роль сторонних вольнонаемных рабочих была высока.

По нашим подсчетам 1 вложенный в промысел рубль давал более 1,5 руб. прибыли¹⁸. Волжские рыбные промыслы монастыря можно

---

¹⁴ ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина. 1910. Л. 147 об.—147.

¹⁵ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1—144.

¹⁶ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1—144.

¹⁷ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56. Л. 81 об.—88 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1—144.

отнести к крупной кооперации со сравнительно слабо развитым разделением труда.

О значимости промысловых отраслей хозяйства Надеинского Усолья для метрополии свидетельствуют данные монастырских приходно-расходных книг. Помимо рыбы и соли промысел поставлял в нее значительные суммы денег (в 1660-е гг. совместно с камским рыбным и соляным промыслом). В среднем за 7 лет, по которым имеются данные (1667, 1668, 1670, 1673, 1677, 1682, 1685 гг.), ежегодно монастырская казна получала по 1636 руб., что составляло 48,9 % всей приходной части бюджета обители. За последние три года удельный вес поступлений вырос до 57 %. Однако, эти расчеты следует уточнить. Более объективным показателем является величина чистого дохода, полученная с учетом расходной части бюджета. Реальный среднегодовой показатель денежных поступлений в казну монастыря был ниже, так как промысловые «доходы» привозились в обитель нерегулярно, раз в несколько лет, складывались из совокупного дохода, накапливаемого в течение этого срока. С учетом вышесказанного Надеинское Усолье в 1680-х гг. давало в монастырь (за исключением крупных партий соли и рыбы про монастырский обиход) от 800 до 1000 рублей чистой прибыли в свободных деньгах в год. Не более 15–20 % этой суммы занимали реальные денежные поступления от рыбного промысла (с учетом денежных поступлений от рыбы и рыбных припасов, продаваемых самим монастырем).

Воздействие крупного рыболовецкого предпринимательства на экономику центральных монастырей в XVII в. в основном сводилось к поставкам значительных партий рыбы и рыбных продуктов «про монастырский обиход».

Несмотря на то, что рыбные промыслы теснейшим образом были связаны с рынком и производство на них имело товарный характер, объективно для самих метрополий они являлись, прежде всего, поставщиками натурального потребительского продукта. Основные свободные средства – чистый доход, в среднем за год около 650 руб., монастырская казна получала от солеварения¹⁹. Именно солеваренный промысел выходил далеко за рамки производства необходимых для монастыря продуктов потребления. Отметим, что товарный характер солеварения, дающего свободные денежные средства, наблюдался и в других монастырях²⁰.

Владельческие повинности, сложившиеся в монастырских владениях региона в XVII в., имели свою специфику. В Надеинском Усолье серьезные изменения в формах и размерах владельческих повиннос-

---

¹⁹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1–144.

²⁰ Данные о Кирилло-Белозерском монастыре, полученные А.Х. Горфункелем, приводит Е.И. Заозерская [9, с. 140].

тей населения начались только с середины 1670-х гг. Владельческая запашка выросла до 112 четв. (2), а ко времени составления писцовой книги 1686/87 г. достигла 417 четв. (2)²¹. В обработке этой земли принимало участие все население вотчины, исключая чувашей и, видимо, мастеровых. Средний размер владельческой запашки на двор, составлявший около 1,7 четв. (2), был значительно выше усредненных показателей по другим владениям монастыря и в целом по вотчинам церкви центра страны [3, с. 342; 11 с. 289, 294]. Но обрабатывалась далеко не вся монастырская земля. Реальные размеры работ минимум в 1,5 раза были ниже объема, обусловленного величиной дворового надела по писцовой книге²². Но и они позволяли получать для нужд промысла достаточное количество местного хлеба.

Население вотчины платило и денежный оброк. Так, в середине 1680-х гг. жители чувашских селений и Переволоков отдавали по 1 руб. со двора (переволокские бобыли и работные люди, кроме того, еще работали на монастырской пашне).

Размеры оброчных платежей за владение монастырской землей и сенокосами у работных людей и бобылей Надеинского Усолья были невелики и далеко не соответствовали размерам наделов, находившихся в их пользовании.

Видимо, резкое увеличение монастырской запашки в конце 1670 – середине 1680 гг. было обусловлено заменой денежного оброка отработочной рентой. В обязанности всего населения вотчины входило также изготовление «изделия» – разных ремонтных, строительных и прочих работ. В одной из челобитных жители писали, что они: «...сеют хлеб и сено ставят, лес чистят», «сделали церковь», амбары, городок, варницы, плотины и т.д.²³ Большая часть из этих работ не оплачивалась. Грань между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом в вотчине позволяло определить материалы приходно-расходных книг и выписок из них, где указаны все случаи оплаты. Но и широкое применение на промыслах наемного оплачиваемого, порой высококвалифицированного, труда в основе своей содержало элементы принуждения и часто базировалось на крепостнической системе хозяйствования. Это была своеобразная феодальная повинность, получившая распространение в промысловых владениях. Ее суть выражена в наказе, присланном в Надеинское Усолье с новым промышленником старцем Л. Моренцовым: «...и вы б старосты, целовальники и крестьяне к нему Леонтию под суд приходили и во всем ему в монастырских делах были послушны, и монастырскую пашню пахали, и изделие делали, против прежнего указа... а будет в чем в монастырских делах, учнете быть

---

²¹ РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66. Л. 66; Ф. 281. Оп. 17. Д. 11565. Л. 28–29.

²² РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684.

²³ ДАИ. Т. 10. С. 76–78.

непослушны, и за то вам... быть в жестоком наказанье без всякой пощады»²⁴.

Таким образом, в Надеинском Усолье в последние десятилетия XVII в. прослеживается тенденция к нарастанию наиболее тяжелой формы ренты — барщинных сельскохозяйственных работ; и вместе с тем в солеварении полностью, а в рыболовстве, в значительной мере труд вольнонаемных работников замещался оплачиваемым принудительным трудом зависимого населения. Насколько реально увеличилась тяжесть владельческих повинностей, судить трудно.

Изучая развитие системы эксплуатации, формы ренты, структуру зависимого населения в церковно-монастырских вотчинах региона можно сделать следующие выводы. В конце XVII в. во всех владениях шел сходный процесс формирования крепостнических отношений. Монастырские власти, контролируя и направляя этот процесс, исходили из самих консервативных позиций. Во владениях с аграрным и аграрно-промышленным характером хозяйственного развития в основных чертах копировалась система отношений и повинностей, которая получила развитие в «старых вотчинах», находившихся в центральных уездах страны. В промысловых хозяйствах более опосредованно (на примере Надеинского Усолья), но также ощущалось влияние роста владельческой эксплуатации, усиление крепостничества, происходившее во владениях крупнейших монастырей в последней четверти XVII в. Несмотря на специфические особенности эксплуатации зависимого населения в хозяйствах этого типа совершенно определенно проявляется тенденция проникновения крепостнических отношений во все сферы внутренней жизни вотчины.

Необходимо особо подчеркнуть, что во всех монастырско-церковных владениях широкое распространение получает барщина. В ряде хозяйств она занимала главенствующее положение среди других форм ренты. Отработочная рента, как в виде сельскохозяйственных работ, так и в форме оплачиваемого труда на промыслах, «делания изделия», являлась к концу указанного периода основной формой в большинстве приволжских владений. На наш взгляд, тяжесть эксплуатации в них была несколько ниже, чем в староосвоенных районах страны.

Литература

1. *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2.
2. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

---

²⁴ ДАИ. Т. 7. С. 194–195.

3. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.: О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977. С. 342.
4. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Изд. 2-е. М., 1937.
5. *Дементьев Е.И.* Приходо-расходные книги Савво-Сторожевского монастыря как источник для изучения экономического положения центра России во второй половине XVII века // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963.
6. *Дементьев Е.И.* Савво-Сторожевский монастырь и его крестьяне во второй половине XVII века: автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1983.
7. *Дубман Э.Л.* О некоторых особенностях формирования крупной монастырской собственности на территории Башкирии в середине – второй половине XVII в. (источниковедческий аспект) // Река времени. 2004. Уфа, 2005.
8. *Дубман Э.Л.* Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.
9. *Заозерская Е.И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков: К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970.
10. *Смирнов С.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М., 1877.
11. *Гихонов Ю.А.* Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974.
12. *Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.